

Девятый День

Рассказ

Пролог. Салфетка

Академик Олег Сергеевич, заведующий лабораторией института ядерной физики, профессор и заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета пребывал в сильной растерянности. Накануне вечером, заглянув в салон сотовой связи, он столкнулся с одним очень знакомым на лицо человеком.

Он зашел купить подарок правнуку и, увидев многочисленные сверкающие полки, оказался в совершенном тупике. Играла тихая органная музыка, на стендах вращались, блистали, хороводились телефоны. Их было так много, и они были такие разные, что Олег Сергеевич запутался аж до легкого головокружения. И плыть бы ему под Бахом и дальше, если бы менеджер салона – совсем юный малец – вдруг не отчебучил беспардонную, как показалось академику, выходку. Он начал предлагать какие-то чересчур детские варианты в футлярах мультяшных героев и насмешливо, как академику показалось, хмыкнул, когда тот сказал ему, что его правнук – достаточно серьезный и умный ребенок, чтобы, поступив в первый класс гимназии, снова возвращаться в дошкольное детство.

И Олег Сергеевич возмутился. Осадив нахального юнца, он потребовал директора заведения.

Менеджер скрылся за дверью, да так обиженно ею хлоп... нет не хлопнул, а так тихо ее прикрыл, что академик, поднапрягшись в предчувствии хлопка и не услышав его, вдруг смутился. – Это была первая в его жизни самостоятельная покупка сотового, и он никак не ожидал, что его беспомощность перед наворотами телефонов – всего лишь телефонов – вдруг вызовет в нем такую вот защитную реакцию – эдакую раздутую чопорность...

Академик, ё-моё! Ну где он, и где чопорность?.. Ох как некрасиво получилось! Ох как некрасиво...

Однако конфузности профессора и заведующего кафедрой университета на этом не закончились. Следующая сцена повергла его в самый настоящий шок.

Вышедший в салон человек со слабыми седыми прожилками в волосах, то есть явно возрастной, как подумалось академику, для продаж всяких финтифлюшек, сдержано кивнул ему и вдруг назвал Олега Сергеевича... Олегом Сергеевичем, то есть по имени и отчеству.

И вроде не привыкать академику к этому – в городке его знали многие, но голова Олега Сергеевича вдруг совсем пошла кругом.

И не Бах был тому причиной... и не нарочитая любезность...

Голос!.. Голос директора был знаком! И, главное, знакомым оказался тон, от которого внутри Олега Сергеевича как-то нехорошо ёкнуло... – Из памяти вдруг поднялось чувство неясной, будто давней-давней вины...

Всмотревшись в лицо директора, академик припомнил и его, но не более того. Как он ни напрягался, ничего определенного больше вспомнить не смог. – Разворошенное прошлое лишь веяло каким-то темным сумбуром... Будто было что-то такое в его давней жизни, что-то связанное с этим человеком – что-то очень и очень досадно-неприятное.

Вконец растерявшийся Олег Сергеевич пробурчал что-то такое перезаперепутанное, на что директор еще раз почтительно кивнул и будто в тон его перезаперепутаницы ответил, что не смеет даже сомневаться, что правнук столь знаменитого человека просто по умолчанию не может не быть необычным ребенком, и не может не быть, то есть, нет, правильнее будет сказать, не может быть недостойным гаджета самого высокого, нетривиального хай-уровня.

И почему-то в ответ на явную издевку язык Олега Сергеевича даже не повернулся ничего сказать – она прозвучала так, будто он заслуживал именно такого обращения. Будто получил, как говорится, свое!..

Достойный гаджет нетривиального хай-уровня был подобран, и растрепанный в мыслях академик вышел из салона... – с коробкой руках, Бахом в голове и висящим перед глазами знакомым лицом...

Поутру всё вспомнилось!..

...Да, проснулся Олег Сергеевич следующим утром со странным чувством – чувством прегрешения перед всем человечеством. Видимо оно – то самое давнее и гнетущее – явилось ему в неясных сновидениях и после пробуждения никуда не подевалось.

И опять начались копания в памяти... И опять шаг за шагом... Однако на этот раз все яснее и яснее... И в конце концов стал однозначно прорисовываться почти забытый образ... А за завтраком... когда в его руках оказалась салфетка, самая обычная, мягкая квадратная салфетка, всё вдруг вспомнилось.

Вспомнилось, кто такой вчерашний незнакомец, вспомнилось, как давным-давно из его лаборатории увольнялся один начинающий ученый и как он – Олег Сергеевич – вот с таким же чувством жуткой вины уговаривал его остаться. Вспомнилось, что этому предшествовал и отчасти стал причиной грандиозный банкет в академовском ресторане «Грибок»...

...Это было лет двадцать назад. Сотрудники ИЯФа праздновали знаковую победу. Была с триумфом завершена работа над новым вариантом ускорителя со встречными пучками. За длинным столом сидели доктора наук, начинающие ученые, техники и... секретарши. Торжество размахнулось под стать величию события.

И вот под влиянием поглощенного градуса и в не меньшей степени очень малочисленной группки смазливеньких дам молодняк науки вдруг раззадорился. – Смешно вспоминать, но подпитые мэнээски не нашли ничего лучшего, как развязать битву за сердца нафуфыренных девчушек своими заумными теориями. Это, действительно, было забавно слушать, особенно им – докторам! Они снисходительно улыбались, с ухмылками косясь не столько на распалившийся молодняк, сколько на хлопающие реснички секретарш.

И среди светил Академа точно так же, расслабившись от выпитого и моря шуток универовских капустников, сидел, улыбаясь, Олег Сергеевич.

Доктор наук, без пяти минут академик, пространно слушал и уже почти ни во что не вникал, как вдруг внимание без пяти минут академика зацепило одно горячее пьяное выступление. Молодой человек, поднявшись над столом и размахивая расплескивающим фужером, стал декламировать очередную завиральную идею. Это была долгая тирада о задуманном эксперименте с какими-то супер уникальными пучками. Она изливалась сумбурным потоком сознания, но Олега Сергеевича будто стукнуло по голове – полупьяная декламация цепляла одну научную догадку, которую он давно уже вынашивал сам. Конечно, в общем лишь цепляла – только в общем, но как-то фантастически, можно сказать, заковыристо переиначивала ее.

Олег Сергеевич даже слегка протрезвел. Он стал напряженно вслушиваться, с теребящим беспокойством ожидая, что вот-вот проскочит упоминание об одном нюансе эксперимента, к которому он вплотную подобрался и который по понятным причинам хранил пока в секрете.

И как только прозвучали слова о каком-то особенном суперохлаждении пучков, он не выдержал и поднялся. – Это надо было останавливать! Раньше времени озвученная гипотеза может не только навредить его работе, но и выставит его потом еще и плагиатором.

«Молодой человек! – перебил он мэнээска. – А просчитали ли вы медианную энергию рассеивающихся носителей и какой радиус закругления должен иметь накопительный

канал ускорителя, чтобы при таких энергиях минимизировать поперечные потери, чтобы ваши уникальные пучки не прилетели к финишу пустыми?».

Он знал на что бить. Это была зацепка, хоронящая всю идею... Точнее сказать, как бы хоронящая, ибо знал он и другое – как ее можно обойти, и знал также, что молодой человек просто в силу своего малого ученого стажа не успел еще наработать достаточного опыта и умений, чтобы обмозговать и просчитать этот ход. Он еще не дорос до жутких математических дебей, над которым сейчас работал институт математики и которые вслед за ними перелопачивал и сам Олег Сергеевич.

И прямо как персонаж Евгения Евстигнеева из фильма «Девять дней одного года» Олег Сергеевич протянул руку за салфеткой и быстро написал на мягком квадратике свои беглые расчеты.

Салфетка была предъявлена присутствующим, а затем Олег Сергеевич сказал что-то такое эдакое забористо ироничное – что именно, уже не помнит, ну что-то вроде того, что ИЯФ станет лишь жэдэ-вокзалом на кольце ускорителя, или, может, не совсем это, но отчего в зале раздался взрыв хохота. Олег Сергеевич, снисходительно ухмыляясь, сел. И тут перед ним нарисовалась картина, опустившая его нутро в легкий холодок. Коллеги молодого парня – такие же мэнээски – хохотали, посматривая на того ехидными, растирающими в ноль взглядами. Подхихикивали и ничего не понявшие секретарши. Молодой же человек побледнел и застыл в нелепой позе. Затем он медленно опустил на стул и потухшим взглядом остановился на тарелке.

...Салфетка – лежащая сегодня за завтраком салфетка – и напомнила Олегу Сергеевичу о том давнем эпизоде...

Но он ведь не хотел никого обидеть, он просто хотел пошутить. И, наверное, как-то глупо, по-дурацки пошутил... Ну не помнит даже точно как!..

...Спустя много лет в Швейцарии будет построен коллайдер примерно тех же размеров, что Олег Сергеевич начертил на квадратике мягкой бумаги. Но это будет потом – намного позже – после того, как осмеянный на банкете молодой начинающий ученый уволится из института...

Их новая встреча произойдет неожиданно и несколько дней позднее, в университетском парке, а сейчас он поел завтрак, настраивался на работу и... наверное, пока еще не догадывался, что со встречи в салоне связи начнет отсчет особая хронология в его жизни. Как и всякая хронология она будет разбита на дни – связанные и не связанные меж собой, важные и не важные, знаковые и рутинные, разнесенные по ближним и дальним квадратикам календаря... но преодолимо к чему-то несущие.

Итак, утро первого Дня – то самое утро, с которого мы начали свой рассказ...

Первый День. Зебра и таракан

Водитель поджидавшего Олега Сергеевича персонального мерседеса – немолодой, по-военному подтянутый человек, – сидел за рулем, подремывая.

– В институт? – спросил он, когда академик уселся на свое любимое место на заднем сидении.

– Туда-туда. Куда же еще?

Бывший военный ничего не ответил и, чуть заметно потянувшись, щелкнул поворотником.

Выезжая с Золото долинской, в глубине которой скрылись коттеджи академиков, мерседес повернул по Морскому в сторону институтов.

За спиной оставались трудовые хрущевки Академгородка. А впереди...

Впереди была зебра, по которой длинной вереницей переходили иностранцы.

Олег Сергеевич машинально проследил за ними – то ли туристами, то ли членами какой-то научной делегации.

Слушая их громкое, слишком громкое для тихих улиц Академа гоготание, и машинально вникая в знакомый, в общем-то, язык, Олег Сергеевич начал отходить от воспоминаний о вчерашней встрече.

Да, как ни странно это звучит, но именно чужой язык вытеснял теперь из его головы все, что не касалось работы. И, видимо, не случайно – ибо это был язык симпозиумов и научных публикаций. Олег Сергеевич стал погружаться совсем в другие проблемы – в нескончаемые головоломки и закавыки институтской жизни...

Процессия иностранцев на зебре неожиданно подрастянулась. Пешеходы явно не спешили, причем некоторые из них, споря меж собой, даже останавливались посреди дороги.

Это начало бесить водителя. «Как у себя дома!» – возмущенно пробурчал он, но Олег Сергеевич даже не обратил на это внимания. Мысленно он уже переключился на расчеты, отчеты, пересчеты, графики, доклады. Работа началась для него прямо в автомобиле.

А в институте академика ждала, увы... не работа, а неприятный сюрприз. Датчики целую неделю готовившегося к пуску накопительного канала уловили в нем наличие углерода.

Как он туда попал, теперь трудно было установить. Это мог смачно чихнуть туда наладчик, мог этот же наладчик уронить туда крошку бутерброда. А мог и просто заползти в открытый накопитель бедолага таракан при недосмотре того же наладчика. Создаваемый откачкой вакуум вспенил органическую массу, загрязнив стенки полости, которая теперь фонила углеродом.

Да, обслуживающий персонал на ускорителе с некоторых пор начал часто меняться и, увы, не в лучшую сторону. Техобразование куда-то улетучилось и людей стали набирать даже с улицы. По объявлениям! В институт приходили порой самые настоящие школьные недоучки.

Впрочем, это был самый безобидный из возможных инцидентов. Случались и похуже, и даже небезопасные. Однажды, при первой еще отладке кольцевых накопителей с одной из обмоток сорвало защитную панель, и стоящий рядом рабочий чуть не обварился в микроволновом излучении. В тот вечер сотрудник лаборатории, из-за ошибки которого произошла авария, вернувшись домой, встретил перепуганную жену. Она спросила, кто он такой и как зашел в квартиру. Женщина не узнала мужа. Причиной стали вмиг поседевшие волосы. Чего, кстати, в шоке даже не заметили сотрудники лаборатории...

...А тут всего лишь бутерброд или таракан. И то – предположительно.

Но очистка установки от углерода и контрольное тестирование займут теперь еще неделю...

Второй День. Щебенка, пальчики и античастицы

Их новая встреча произошла неожиданно – в старом университетском парке.

Собственно парком это назвать было нельзя – просто вписавшиеся в нетронутый лес и теперь набравшие силу обширные посадки за старым зданием вуза.

Олег Сергеевич вышел из Вычислительного центра и, отпустив машину, пешком направился в университет – напрямую через парковую зону.

В студенчестве он любил гулять по дорожке, соединяющей Вычислительный центр со студенческим городком. С одной стороны к ней примыкали стройные стволы сосенок, а с другой раскудрявившиеся белоствольные березки. Они напоминали застенчиво застывших друг против друга мальчиков и девочек.

Разделяющая их дорожка была уложена измельченным известняковым щебнем. В сумерки насыпь была хорошо видна, как бы даже высвечивая тропу.

Да что там в сумерки! Был случай, тогда же – в студенчестве, когда, задержавшись на дискотеке в «Юности», небольшой компанией они возвращались здесь по кромешной тьме. Ничего не было видно – ну совсем ничего! Телефон-фонариков тогда еще не изобрели, и только эта дорожка чуть-чуть белела под ногами. Так по ее едва заметной белесости и удалось добраться до общежитий.

...И была какая-то девушка, которая в полной темноте протянула к его ладони свои подрагивающие пальчики. И они шли, слегка соприкасаясь, совсем как те самые застенчивые березки и сосенки...

Вспоминая ту прогулку, Олег Сергеевич машинально посматривал на истершуюся с годами, почти утонувшую в грунте, но еще не исчезнувшую белую крошку.

Вот примерно где-то здесь... Да, наверное... – Здесь в кромешной тьме стали проясняться первые силуэты. Здесь пальчики девушки смущенно дернулись и выскользнули из его руки. И она, так и не узнавшая, потерялась в темноте... Зде...

Вот здесь! Олег Сергеевич непроизвольно вздрогнул. – Как будто что-то соскользнуло с его ладони... Рефлекторно сжав ее, будто только что опустевшую, он резко оглянулся... тоже непроизвольно... Как тогда...

...Будто утерянный в ту ночь воздушный след девушки все еще продолжал витать где-то рядом... где-то над дорожкой...

Олег Сергеевич непроизвольно искал его... и, глубоко вздохнув, остановил рассеянный взгляд на деревьях.

Примыкающие к дорожке посадки вызывали грусть. – Но нет, не ту. Не ту грусть...

Не было уже мальчиков и девочек... Всё было перемешано и заброшено. Затянутые мхом стволы деревьев тонули в неряшливо прорастающих кустарниках. Их корявые полусохшие ветви проридались из наслоений не убираемой годами спрессованной травы и листвы... Грустную картину запущения завершали повалившиеся деревья, покрытые серой пеленой пыли... словно плотным покровом забвения...

Эх! Универовский парк...

Теперь парком это точно назвать нельзя.

Эх! Академ-Академ!.. Когда-то аккуратный и присмотренный...

И Олегу Сергеевичу, академику, члену Президиума Сибирского отделения, вспомнилось, как однажды вдруг поиссаякли средства на уход за зелеными окрестностями городка науки...

...А ведь он так и не узнал тогда, с кем прошел за руку этот коротенький путь... Но затосковал... Сильно и надолго... Заболел от одних лишь пальчиков неведомой попутчицы!.. Томился, мучился, пытался ее найти... Но все девушки из той прогулки, которых он пытался расспрашивать, лишь краснели и отнекивались... А самые красивые еще и насмешливо измеряли его взглядами...

На конце дорожки, там, где начинался сетчатый заборчик студенческого стадиона, стоял мужчина. Он посматривал в сторону приближающегося Олега Сергеевича.

Академик узнал его. – Это был тот самый директор салона сотовой связи с седыми прожилками в волосах.

Когда академик поравнялся с ним, незнакомец тронулся с места, и они пошли рядом.

– Напомни, как тебя зовут, – проговорил Олег Сергеевич.

– Сергей Олегович.

– Ах, да! Мы же с тобой были как античастицы.

– В миру говорят «антиподы».

Олег Сергеевич хмыкнул. «В миру»! – Как точно сказано!

Они здесь – не «в миру». Они – служители культа.

Культы субстанции бытия, не знающей мира людей. Там – в миру – это называется точной наукой.

И «антиподы-античастицы» зашагали вдоль заборчика – оба высокого роста, худой и прямой Сергей Олегович и немногим более широкий и ссутулившийся Олег Сергеевич.

– Пройдешь со мной в университет? – спросил академик.

– Я иду, – добавил он тут же, – на коллегию, но у нас есть время посидеть в кафетерии.

– Спасибо! Но на сегодня достаточно.

– Зря. У них неплохие смузи.

– Я знаю.

И они разошлись.

...На сегодня достаточным оказалось то, что Олег Сергеевич вспомнил имя своей античастицы. И теперь он понимал, что их случайные встречи отныне станут нередкими.

Третий День. Кувшины, черный бархат и группа недопуска

Домработница Ирина Антоновна, которую Олег Сергеевич, вернувшись с работы, застал в коттедже, отчего-то сильно смутилась. Она торопливо просеменила в спальню, и Олег Сергеевич услышал, как там застучали ключи.

Войдя следом в комнату, хозяин дома увидел, что она закрывает шкаф для одежды.

– Что это? – спросил он.

– А ничего! – с вызовом ответила домработница. – Анна Антоновна наказала вас в этот шкаф не пускать.

– То есть?! – изумленно открыл рот академик. – И не пустите?!

– Не пуцу! Разбирайтесь с супругой сами.

Это было, конечно, наглостью, но здесь требуется пояснение.

Домработницей Ирина Антоновна была не в традиционном понимании этого слова. Обслуживание коттеджей входило в ведение хозяйственного управления академии, а Олега Сергеевича однажды дернул черт – прямо-таки взял и дернул: в заявке на домработницу он написал, что в своем доме планирует кроме всего прочего принимать и иностранцев. Кандидатура была подобрана соответствующая с прибавкой к названию должности через дефис «администратор коттеджа». То есть Ирина Антоновна стала еще и своеобразным директором своеобразного музея, в который она стала превращать дом Олега Сергеевича. Она по своему усмотрению приносила сюда и вывешивала на стенах картины, заставила углы высокими – более чем в половину человеческого роста – кувшинами с какими-то то ли древнеассирийскими, то ли древнеегипетскими изображениями и многое еще чем нагрозила шкафы. Кувшины, то ли древнеассирийские, то ли древнеегипетские, должны были стоять почему-то обязательно пустыми, ибо, когда Олег Сергеевич, однажды вернувшись с рыбалки, расставил в них удочки и сачок, он огреб от директорши музея по полной программе.

Что такое кухня ни Олег Сергеевич, ни Анна Антоновна даже не знали. Кушанье им подавалось в строгое время и строго в столовую. Конечно, при всем при этом администратор-домработница сама проводила и уборку комнат, но это лишь добавляло нагоняев домочадцам. Она строила их за грязную, иногда, обувь, за разбросанные тапочки и даже за неряшливость в домашней одежде.

Глядя на нее, Олег Сергеевич порой вспоминал свое детство, как он мальчонкой боялся уборщицу в магазине, считая ее самой главной начальницей в этом заведении. Строгая бабуля с ведром, тряпкой и зычным голосом шугала ребятню за любую грязь, которую они всегда с собой приносили.

И так получилось, что обе Антоновны – Анна и Ирина – сдружились.

Вечером состоялось объяснение с первой из них.

Анна Антоновна в ответ на претензию сказала, что она приобрела очень дорогое платье с серебристыми прошивками и не уверена, что Олег Сергеевич куда-нибудь его не пристроит.

Она напомнила, что ее подруга – жена одного доктора наук из лаборатории Олега Сергеевича – впрямую лишилась однажды шикарного платья из черного бархата.

Дело было так: их ученые мужи придумали, как визуализировать распределение частиц в пучке электронов. Для этого они использовали тончайшую кварцевую нить, которую получали тут же, «выстреливая» из трубочки мелкими каплями расплавленного кварца. Нить была настолько тонкой, что ее почти не было видно. Мог решить проблему только абсолютно черный фон за нею. Его и принес однажды сотрудник лаборатории в виде куса черного бархата, вырезанного, как потом выяснилось, из платья жены.

Прием сработал. Они смогли применить кварцевую нить в эксперименте. Но нетрудно представить реакцию супруги, обнаружившей на платье в шкафу большую дыру. Какое-то время провинившийся даже скрывался на квартире друзей. Но, в конце концов, сотрудники лаборатории нанесли в его дом визит с письменной благодарностью от самого Председателя Сибирского отделения академии наук, букетом огромных диковинных роз из института цитологии и генетики и дорогим французским коньяком. Доктор был прощен.

– Мне не нужны твои наряды! – восклицал теперь Олег Сергеевич. – Мы заказали и нам сделали в институте твердого тела экран с коэффициентом отражения в минус четырнадцатой степени!.. Минус четырнадцатой! Ты только представь!

Но Антоновны ничего представлять не собирались и стояли непреклонно.

В конце концов Олег Сергеевич подумал: а чего он так упирается за доступ к шкафу с бабьим тряпьем?! Ведь неправильно поймут, если кто узнает. И, вообще, важнее – чтобы ему не повесили замок на секцию со штанами, а все остальное – пусть хоть куда...

Четвертый День. Опять салфетка и пучки по-антистаниславскому

– Вы, наверное, знаете, что в Швейцарии построен новый коллайдер? – спросил Олег Сергеевич.

– Кто ж этого не знает? – Сергей Олегович опустил взгляд.

– Читали о нем? В курсе, что там...

– В курсе! – не дал договорить бывший мэнээс.

Он хмуро взглянул на маленькие фонтанчики, которые струились в Зимнем саду Дома ученых, где они сегодня встретились, и достал из кармана небольшой пакетик из целлофана. В нем был виден старый потемневший обрывок бумаги.

Олег Сергеевич ёкнул – это была та самая салфетка с памятного банкета, на которой еще просматривались выведенные его рукой каракули.

Повисла пауза.

– Да, сохранил! – наконец прервал молчание Сергей Олегович. – Теперь это историческая ценность, – добавил он с ехидным укором. – И научная. Можете опубликовать.

Академик в замешательстве всмотрелся в свою пьяную писанину.

– Вот-вот! – пригвоздил мэнээс. – Ваше предсказание...

И опять меж ними повисло неловкое молчание.

– Почему вы ушли? – спросил академик.

– Вам бы побывать тогда в моей школе...

– Почему не в физику? Куда-нибудь в институт полупроводников что-ли...

– Нет! – Сергей Олегович, хмыкнув, скользнул взглядом по собеседнику. – После того, как пощупаешь руками пучки, ни полупровода, ни теплофизика, ни даже термояд вот сюда, – он постучал пальцем по груди, – не лезут.

Бывший мэнээс устремил невидящий взгляд сквозь высокое во всю стену окно, а там еще дальше – сквозь играющую на ветерке листву белоствольных берез.

– Я ведь до сих пор хожу в библиотеку и перелопачиваю всё, что там появляется по ускорителям. Видел ваши публикации о сечениях полых пучков... И понял, почему вы тогда меня турнули – на банкете...

Он остановил хмурый взгляд на академике.

– Это уже тогда было в вашей голове, и если бы я сболтнул, я сорвал бы вам будущий фурор и ступеньку к очередной звездной вершине...

Академик растеряно посмотрел на собеседника.

– Вы не правы, – тихо сказал он. – Вы не все знаете.

Сергей Олегович удивленно взглянул на него.

– Тогда у нас всерьез, – виновато пробубнил академик, – рассматривалась одна альтернативная идея московских ядерщиков. У них было достаточно авторитета, чтобы мой... наш с вами... проект задвинуть...

– Ведь что такое были мы? – продолжил Олег Сергеевич. – Бунтари от науки!.. Ведь наша... новосибирская физика продвигалась там, где весь мир говорил «не верю».

У Олега Сергеевича зажегся слабый огонек в глазах, а затем его взгляд подернулся накатившей грустью и застыл на месте.

– Ведь это только на словах, – продолжил он, – легко работать вопреки «не верю!», как бы по-антистаниславскому. Под «не верю» деньги давать не принято. Особенно из Москвы. Нельзя было выпрыгивать раньше времени. Надо было подготовить железобетонное математическое обоснование.

Бывший мэнээс собрал губы в трубочку, будто собираясь присвистнуть, но так и застыл с этой гримасой.

– Да-да... – тихо проговорил академик.

– Извините... – почти прошептал Сергей Олегович.

– Это вы меня извините... Я, и в самом деле, побоялся обвинения в плагиате...

– А я дурак был! Большо-о-ой дурак! Амбиции захлестнули – вообразил себе, что опозорился на весь Академ...

Пятый День. Шедевры на вывоз и сапожники без сапог

Олег Сергеевич сидел в своем кабинете и хмуро просматривал рекламный проспект индийского института ядерных исследований.

Только что закончилось совещание у директора ИЯФа, на котором был заключен контракт с индийской академией наук об участии лаборатории Олега Сергеевича в монтаже и запуске установки электронного охлаждения для ускорителя в Дели.

Директор ИЯФа светился от радости и предвкушения: лаборатории института была обеспечена денежная работа на пару ближайших лет. Жмурились от удовольствия и индийцы.

Вот только кошки скреблись на душе Олега Сергеевича от такой перспективы. Ему сейчас предстоит собрать летучку лаборатории и объявить о предстоящей работе. Легко представить, как вытянутся лица сотрудников. Ведь это значит, что руководством опять будут задвинуты на новые дальние сроки все их собственные проекты.

И это будет очередная пахота на иностранных дядей.

Когда всё это начиналось – участие в строительстве и запусках ускорителей сначала в Европе, затем Америке, это воспринималось с ликованием и энтузиазмом. Новые условия, заграничные командировки, опыт и деньги, наконец. А деньги нужны были не только в виде баснословных премий, но и для финансирования исследований их лаборатории. В девяностых из-за нехватки средств остановились практически все ее проекты. Денег хватало только на оклады – просто на хождение в неработающие лаборатории.

Застопорились диссертации, отложились защиты – кандидатские и докторские. И вот вдруг появились первые зарубежные заказы на установки охлаждения.

Ученые воспрянули духом. Они мастачили иностранцам настоящие шедевры! Ведь новосибирские физики научились получать идеально однородное магнитное поле. Во всем мире оно выходило ухабистым и потому пучки теряли в них много энергии. Сибиряков хвалили, награждали почетными титулами, звали работать в зарубежные лаборатории.

Потом была Япония... потом Китай... И вроде деньги потекли, но сотрудники лаборатории все чаще стали оглядываться на лежащие без движения собственные разработки. Премии были, но финансирование работ постоянно откладывали. Вместо этого им спускали новые заказы на охладители в Европе, Америке, Азии.

Постройка ускорителей занимала много сил и времени, а возраст не стоял на месте. Уже пора было кому-то становиться доктором, кому-то просто продвигать в жизнь свои задумки, а тут – контракты, контракты, контракты. Ученые забыли о фундаментальной науке и постепенно превращались в слесарей заоблачной квалификации.

Но это была только часть проблемы. Другая подступала с тылу. Академ стали перепрофилировать в технологический центр. Отстроили большой технопарк – опять же для прикладных работ, и он начал отсасывать лучшие умы из всех институтов. Ученые уходили в технологи-кустари из-за безденежья и заморозки финансирования фундаментальных исследований. Не миновала эта участь и физиков-ядерщиков.

Олег Сергеевич чуть ли не вопил об этом как на совещаниях у директора института, так и на коллегиях академии. Увы, административные руководители разводили руками: «Денег не дают – надо де мол зарабатывать самим. Тем более что пока головы работают, можем де мол поражать мир своими поделками».

Самое удручающее, что многие ученые, в том числе и академики, клюнули на это. У многих заблестели глаза от фантастических премий... А наука теряла своих лучших представителей...

Вот и Индия подключилась.

Олег Сергеевич бросил в ящик стола их проспект, специально для России переведенный на русский язык с кучей нелепых стилистических оборотов.

Чужой язык. Нет, пожалуй! – Это уже не только язык симпозиумов и научных журналов... С некоторых пор это язык хозяев. Теперь еще и вот эти, размахивая деньжищами и покупая российскую науку, будут вести себя как ее собственники-содержатели, будут потреблять ее, приезжать в Академ как его владельцы, – как хозяйчики громко разговаривать на улицах, как хозяйчики разгульно прохаживаться по дорогам городка...

А Олегу Сергеевичу предстоит «обрадовать» сотрудников лаборатории – еще в одной стране появится первоклассный ускоритель и еще одна зарубежная лаборатория займется прорывными исследованиями, которые могли бы проводиться в ИЯФе, но о которых ияфовцы будут узнавать из иностранных научных журналов.

Сапожники без сапог!..

Шестой День. Горы, небо и корни

– Дядя Олег, давайте поднимемся вон туда.

Подросток показал рукой в сторону видневшихся почти на вершине горы стройных посадок в форме почти правильного прямоугольника.

– Это молодой кедр, – пояснил мальчишка.

Олег Сергеевич перевел дух и кивнул головой.

Вот уже почти час они гуляли с парнишкой по горам Таштагола – небольшого города в Горной Шории. Парнишка – это внучатый племянник Олега Сергеевича, а Таштагол – это город на юге Кемеровской области, в котором Олег Сергеевич родился.

Стояла жара почти под тридцать, однако Олег Сергеевич изъявил желание погулять по горам. Племянник с охотой вызвался его сопровождать.

Академик периодически приезжал сюда летом в отпуск. Родителей уже давно не было в живых, но в городе оставалось много родственников. Его очень хорошо и даже горячо принимали. Где-то встречали весьма необычно – по староверческим правилам, не давая забывать, каких корней были его родители. А детвора постоянно кружилась вокруг знаменитого дяди. Ребяшня охотно сопровождала его, куда бы он ни пошел, а его всегда тянуло на длительные прогулки по местам детства.

Вот и сейчас отпуск шел к завершению, а синоптики наобещали жару на весь его период. Поэтому деваться было некуда – Олег Сергеевич не мог не выйти в горы. И, несмотря на пекло, он двинулся в путь, благо что прогулка большей частью проходила по лесу, где от жары можно было скрыться и где иногда попадались ключи с ледяной родниковой водой.

Путь до кедрового молодняка пролегал по открытой местности, поэтому Олег Сергеевич с племянником хорошо пропеклись на горячем солнце. И какой же шок испытал Олег Сергеевич, когда покрытые струйками пота они зашли в тень плотных посадок. Их встретила не просто тень – бодрящий запах молодой кедровой смолы давал самое реальное ощущение холодка. Будто температура снизилась здесь на целых десять градусов.

Олег Сергеевич в изумлении прошлепал среди тянущихся вверх стволов. Потрогал липкую гладкую кору. И в его никогда не отдыхающую ученую голову пришло, что обильно выделяемая на жаре смола, испаряясь, видимо, реально охлаждает и кору, и воздух. То есть ощущение холодка было не кажущимся.

В детстве он часто бывал в кедряке. Шишковал. Но то были старые разлапистые деревья. Мешки с кедровыми орехами стояли практически в каждом доме. Это было и лакомством и хорошим подарком для дальних гостей.

Погуляв по молодому кедряку, они вышли на открытое пространство. Пора было возвращаться, но Олег Сергеевич не сразу двинулся в путь. Он отступил в тень, присел на кочку и усталым взглядом окинул лежащий внизу город.

Тот протянулся длинной узкой лентой в извилистых лощинах, местами забираясь на пологие склоны. Там он отвоевывал себе пространство, вытягиваясь к вершинам длинными огородами с маленькими домиками.

В детстве Олега Сергеевича Таштагол был еще поселком, с очень редкими многоэтажками и лишь позднее разросся до города. Это был самый рядовой поселок-город при железорудной шахте, упрятанный в горах, но жили в нем какие-то особенные люди – с прямыми и открытыми взглядами. Впрочем, сам Олег Сергеевич никогда бы и не подумал об этом, если бы однажды не услышал нечто похожее о самом себе. О том, что он «какой-то не такой как все», ему сказали в Новосибирске. В нем разглядели что-то такое необычное, что иногда даже удивляло и восхищало знакомых новосибирцев. А весь секрет необычности был лишь в том, что, даже став известным в мире академиком, он так и остался «славным малым» из шорской глубинки, которому просто довелось осесть в водвороте города-миллионника, – человеком с простым, прямым и открытым взглядом...

Из небольшого горного поселка еще школьником он выслал в новосибирский университет решения заочной олимпиады по физике, отсюда по вызову сначала в летнюю физико-математическую школу, а затем в ее девятый класс. Окончив университет, остался в Академгородке.

Внизу в лощинах изгибался Таштагол. Олег Сергеевич, замерев на месте, смотрел на него, а племянник в ожидании ковырял палкой траву. Мальчишка будто не замечал пекла и спокойно ждал, пока дядя Олег не налюбуется видом города. Сам дядя Олег в его возрасте точно так же стойко переносил жару, даже выделялся этим среди сверстников.

Впрочем, племянник терпеливо ждал еще и потому, что понимал, что деду нужно передохнуть.

Нет, горы вокруг Таштагола не были снежными и скалистыми. Они были невысокими, но, может, потому и манили пацанов взбираться на них каждый день с играми-войнушками и походами-путешествиями. Они тянули к себе и взрослых – открывающимися с вершин распахнутыми панорамами, зовущими просто сидеть здесь и смотреть. Смотреть сверху на разношерстную тайгу, рассматривать рассыпанные внизу маленькие домики, глядеть на далекие изгибистые лесистые холмы, и, додумывая в них очертания гигантских зверей из древних шорских сказаний, предаваться парящим фантазиям...

А еще здесь ближе небо и звезды. Только пожив в равнинном Новосибирске, Олег Сергеевич прочувствовал их здешнюю красоту и силу. Однажды он гостил у родственника-старовера в маленьком домике на высоком склоне горы. В полночь его потянуло выйти подышать сладким ночным воздухом. И едва он вышел под открытое небо, как его вдруг будто окатило – над головой ярко и пронзительно полыхал Млечный путь...

Олег Сергеевич испытал легкий шок – ведь в Новосибирске он почти забыл о таком чуде. В миллионнике звездное сияние тусклое и, быть может, потому не так потрясающе.

Горение неба дополнял громкий ночной стрекот насекомых, да так завораживающе дополнял, что, казалось, сливался с ним. Он будто спускался с полыхающей высоты, словно там и зарождался – в кипящей россыпи млечной полосы.

И как знать! Может, его – ученого – потому и тянуло каждое лето сюда – для подпитки околдовывающим звездным небом и загадочно-былинными, отдающими детством, шерстистыми изгибами гор? Может, ему – ученому – крайне важна такая подзарядка для работы в науке? Ведь вряд ли возможен ученый без полета дерзких заносчивых фантазий, без мудрых древних сказаний, без пылающей, стрекочущей звездной выси... Может, именно это и увозил он после каждого отпуска туда – в тихий, уютный Академ...

Да, у «славного малого из шорской глубинки с простым, прямым и открытым взглядом» была еще одна черта, которая крепкой жилой держала его нерядовую и в чем-то даже чудноватую натуру и которая, наверное, питалась корнями отсюда – из таштагольских горных ключей, – мечтательность, своеобразная горная мечтательность...

А племяш-то на него похож... Всё ж одних кровей с ним мальчишка!

И как-то даже неловко перед его благоговением – перед тем, как ради родственника-деда-академика он терпит здесь жару. Ведь дед-академик никакой не особенный, он сделан из того же теста, что и его прямой дед – двоюродный брат Олега Саша.

Они были с Санькой ровесниками, ничем в детстве не отличающимися друг от друга. Даже ходили друг на друга внешне, почти как близнецы. – Очень сильная кровь текла по жилам их общего деда. Оба хорошо учились в школе, оба любили разные головоломки и логические игры, не уступали в них друг другу, и лишь однажды их стрелочки разнаправились, пустив их по разным жизненным дорожкам.

Так вышло, что они учились в разных школах и почему-то именно в школу Олега как-то пришли олимпиадные задания из новосибирского университета. Олег с интересом взялся за них, решил и выслал в Новосибирск. Санька от него узнал об этих задачах, одну из любопытства тоже решил, но дальше проявлять интереса не стал.

И они разошлись. Олег направился по тропе знаменитого давнего помора – «из глуши в столицу» – покорять вершины наук, а Александр после школы пошел по стезе отца, поступил в горный институт, откуда распределился на рудник инженером. Там знатно и по самым высоким человеческим меркам завидно вырос.

Олег Сергеевич посмотрел на вышагивающего рядом племяша. Как же он похож! Вот сейчас Олег Сергеевич спускается с ним с горы и будто видит не его, а... себя... – будто в фантастическом зеркале времени видит себя мальчугана, размашисто ступающего в своем далеком беззаботном прошлом... И ведь екает сердце от любого поворота стриженной мальчишеской макушки... Корни...

М-да... Наверное, племянник такой же головастый, как и его дед Саша? Вот подрастет, и надо будет прислать ему из ФМШ олимпиадные задания. Пусть попробует...

Седьмой День. Эйнштейн, мишени и одна десятая процента

– А что это была за альтернатива?

Сергей Олегович помешал трубочкой в высоком стакане.

– Вы о чем?

– Ну о той, что могла бы отодвинуть ваш проект полых пучков.

– А-а. Как-нибудь потом расскажу. Это была интересная тема, но она вела институт в тупик. Мы не сделали бы тех открытий, которые были в нашей парадигме.

– Хм... Тупик?..

Сергей Олегович вдруг поднялся, взволнованно прошелся к окну кафетерия, в котором они сегодня встретились, постоял там, вернулся и снова сел напротив академика.

– А вы знаете, – бывший мэнээс вперил взгляд в собеседника, – в своих библиотечных сидениях я пришел к другому выводу – что это наша тема вообще-то тупиковая!..

– В смысле?.. Какая тема?

– Со встречными пучками...

– Да-да!.. – продолжил он в ответ на изумленный взгляд академика. – У этого направления есть свой потолок. Да, получили бозон Хиггса! Но это предел для ускорителей на встречных! Следующий этап потребует энергии на несколько порядков больше, а встречные пучки увеличивают энергию столкновений лишь в два раза. Ну еще немного плюсуем на экономии потерь импульса. И что?! Дальше кратно увеличивать энергию пучков никто не сможет.

– Хм... Вы в этом уверены?

– Не обманывайте себя. Вы ж наверняка это просчитали... Никто не сможет построить коллайдер размером с земной шар.

Олег Сергеевич промолчал.

– Пучки нужны! – ударив на «нужны», проговорил его собеседник. – Да! Пучки! Но не встречные. К проблеме надо заходить с другого конца. Главным объектом, главной парадигмой опять должны стать мишени.

– И что вы можете предложить?

– Да здесь миллионы вариантов! – Ведь разных видов мишеней на порядки больше, чем вариантов «электрон-позитрон», «электрон-барион», «барион-барион»...

– И мы зайдем за пределы Хиггса? – с иронией спросил Олег Сергеевич.

– Зайдем!

– Ну-ну! При наших-то энергиях?!

– Те же энергии можно использовать по-другому. Вот, к примеру, англичане, раскалив на ускорителе образец с радиоактивным изотопом железа, кстати, гораздо меньшими энергиями, получили замедление распада ядер. Они объяснили это эйнштейновским растяжением времени, – ну ведь атомы железа как бы ускорились. Однако...

Сергей Олегович остановил на собеседнике взгляд.

– Растяжение ли времени здесь виновато? Не глубже ли причина? Может, произошла энергетическая перестройка глюонов в ядрах? Не пере проверить ли эксперимент в новых параметрах? С другими нестабильными изотопами и разными пучками...

– А причем здесь бозон Хиггса? Пусть ядерщики и пере проверяют...

– Да не в Хиггсе дело! Бомбардировки-то все равно нам калибровать. Пусть ядерщики образцы изучают, мы же будем подбирать пучки. Здесь нужна совместная работа двух лабораторий. Может, нам откроется окошко к темной энергии? Ведь если произошло, как думает весь научный мир, растяжка мирового времени, то есть затронуты основы матери, то это вроде как и наша епархия. Нам сам бог велел это перепроверить. Думаю, можно подобрать такие изотопы и такие пучки, что время распада в тех же самых условиях может, наоборот, уменьшиться... Уменьшиться!!!

– И тогда, – у Сергея Олеговича загорелись глаза, – изменится логика представлений о материи, иначе увидятся и темная энергия, и темная материя, иначе увидятся элементарные частицы, сама их стандартная модель повернется иным ракурсом, и совсем по-другому придется строить эксперименты на ускорителях...

– О как!!! А если будем получать увеличение времени, и только?! – На любых изотопах!

– Ну тогда, да... – помялся Сергей Олегович. – С вероятностью девяносто девять и девять десятых процента, возможно, так и будет... то есть Эйнштейн устоит... Но даже в этом случае мы можем выйти на новое направление... или, иначе сказать, новую парадигму... Будем ее развивать... Вот смотрите!..

Он выдернул из стакана салфетку и занес над ней ручку, собираясь что-то написать. Но в следующий миг вдруг остановился взглядом на мягком бумажном квадратике. Потемнев лицом, он замер. Будто вспомнил что-то.

– Хм! – иронично произнес Олег Сергеевич. – Однако одну десятую процента вы себе все-таки оставляете. На опровержение Эйнштейна! Целую десятую!!! Дерзко!.. – И, нахмурившись, добавил. – Знаете что! Лженаука какая-то...

– В смысле?..

– Лженаука это... – сердито выговорил Олег Сергеевич. – Чутье у меня на нее!

Сергей Олегович некоторое время просидел молча. Затем, отодвинув салфетку, продолжил, сменив тему:

– Вы сами-то с чего начинали работу в Новосибирске?

Олег Сергеевич удивленно посмотрел на собеседника.

– С идей, – продолжил тот, – на которые весь мир говорил «не верю»... С лженауки?!..

Олег Сергеевич поперхнулся.

– Нет! Ну это же со-овсе-ем другое... – протянул он.

Меж ними повисло скованное молчание.

И вдруг Сергей Олегович хмыкнул.

– Точно!.. Чутье! – воскликнул он. – Как же я сразу об этом не подумал?! Чутье!.. Вы ведь член комиссии по борьбе с... этой самой – лженаукой?

– Да, есть такое.

– И с чем вы боретесь? – Сергей Олегович усмехнулся. – С хиромантией и гадалками?

– Отнюдь! – опять воскликнув, продолжил он. – Вот с такими вот идеями! Вы от имени президиума академии выносите обвинительный приговор как раз тем проектам, на которые весь мир и без вас говорит «не верю».

– Но ведь с этого «не верю», – разошелся Сергей Олегович, – начинался сам новосибирский Академ. Вы же сами об этом говорили! Сколько лет вы работали над охлаждением без публикаций? Вас только авторитет Будкера защищал! У вас самих стали опускаться руки! Вспомните! Ну вспомните! И представьте: будь тогда комиссия по борьбе с лженаукой, вы стали бы отличным предметом ее заседаний. Им же надо оправдывать свое назначение. А тут такие бездельники и мистификаторы! И не где-нибудь, а в самом ИЯФе! – Шикарный подарок для демонстрации своей значимости!

– Каки... мисти...? То есть?!.. – резко вскинувшись, начал было Олег Сергеевич.

– Нет послушайте! Сколько пустых лет прошло, пока вы не получили холодные пучки?! И ведь получили-таки! Да, еще и в тыщу раз холоднее, чем предсказывал сам Будкер!..

Олег Сергеевич застыл с изумленно раскрытым ртом...

– А тут англичане, – после некоторого молчания тихо проговорил Сергей Олегович, – даже спектр распадающихся изотопов толком не расщепили...

– С мишенями, – так же тихо завершил он, – надо работать. С мишенями. Я вот даже список изотопов разных металлов подобрал, которые надо проверить...

Оп-па!

Несмотря на то, что Олег Сергеевич как бы не сдавался и изображал сейчас всё вплоть до крайнего возмущения, однако он был поражен мыслью, что его молодой оппонент слишком твердо уверен в своей правоте – хоть и оставляет себе только одну десятую процента, но в этих рамках непоколебим в своей решимости! А по законам парадоксального развития науки он может оказаться, действительно, правым. Ведь когда Олег Сергеевич сам работал несколько лет без публикаций, их команда была в зоне точно такой же одной десятой. Наука так и движется – появляется сомнение в чем-то на малую толику, и в эту узкую щель шириной в «одну десятую процента» следует прорыв. Иначе это не наука. Она не движется по тривиальным дорожкам.

Хотя, с другой стороны, работой сейчас Сергей Олегович в институте, он пахал бы на те девяносто девять процентов, в которые не верит. Как миленький отработывал бы доминирующую версию! И это тоже наука... но институтская. В ней действуют свои правила. Никто тебе мишени с разными изотопами на блюдечке не преподнесет. Тем более никто не загрузит этим сразу две лаборатории. Можешь двигать свои дерзновенные идеи, но только в голове, во вне рабочее время и на диспутах. И разрешат тебе взяться за них только тогда, когда добьешься призывания и высокого статуса в общей парадигме, после того как перелопатишь тонны научной руды. – В ней!.. Пока не исчерпаешь ее всю!.. Ибо лишь на этой вершине тебе дадут ресурсы для реализации твоих замыслов. И вот тогда будешь как Будкер – своим авторитетом защищать новые неочевидные проекты.

М-да... А сам Олег Сергеевич?.. Он-то!.. Неужели он – заслуженный академик – сам по тем же законам необоримости одной десятой теперь будет вытеснен кем-то в утиль? Неужели ему на пятки наступает новое поколение амбициозных ученых? Может, он просто не замечает, что как ученый он обрюзг, нежится на лаврах тридцатилетней давности и, действительно, ломает своей комиссией по лженауке тонкие победы молодой научной поросли? Ну ладно Эйнштейн! – Тут парня понесло не в ту степь, это совершенно разные области физики, и обсуждать даже нечего, но ведь надо признать, что по теме встречных пучков Олег Сергеевич уже и сам подумывал о том, что она на последней стадии, что слишком накладно и нереально увеличивать энергию частиц дальше, гнаться за габаритами...

До сих пор наука шла по парадигме все большего и большего разгона пучков. Увеличивали энергию – получали новые частицы, снова увеличивали – и снова новые частицы, но вот подошли к черте. Чтобы получать следующие неизвестные частицы и, уж тем более, пазлы темной материи, нужно увеличивать и без того предельные энергии в сотни раз. А это немислимые размеры ускорителей. И главное – без гарантированного результата: просто наобум работать – а вдруг выскочит что-нибудь эдакое. Ведь даже науки такой – физики частиц следующего уровня еще не существует... И вообще... неизвестно, есть ли там что-нибудь... во-об-ще!..

И вот приходит новое поколение и говорит: хватит дурью маяться! Не надо гнаться за скоростями, надо по-новому исследовать то, что есть.

Эх, Сергей Олегович! Антитёзка. Нежданно ты подпер откуда-то сбоку академика, переплюнул его в заносчивости фантазий. Может, ты и прав? Но это уже невозможно понять ему – Олегу Сергеевичу. Лишь какая-то запредельная интуиция умудренного

старого ученого подсказывает ему, что твои идеи – хоть из параллельного мира, но все же мира реального. Где-то из четвертого или пятого измерения, куда вхож только ты...

Хорошо было бы, если бы ты оказался прав...

В памяти всплыл бодрящий холодок молодого кедрача. Мда... Аналогия... Неспроста, наверное, он привез этот диковинный морозец с родины именно этим летом...

Эх, Сергей-Сергей...

Это была их отложенная беседа в кафетерии университета, после которой Олег Сергеевич направился на очередную вузовскую коллегия.

На ней вынесли вопрос о снижении коэффициента сложности для отборочных школьных олимпиад. Вынужденно вынесли.

Атмосфера в зале совещаний установилась весьма кислая – год от года снижался поток заявок в физматшколу. Очень слабыми приходили и обычные абитуриенты. Что-то дельное еще удавалось вытащить из тех школ, куда командировались для факультативных уроков научные сотрудники Академа, но не более. И это несмотря на то, что те не имели специального педагогического образования. Свое дело делали запал и огонек научного энтузиазма, который ученые новосибирского Академгородка разносили по стране. Однако на отдельных уколах ситуацию в целом выправить было невозможно.

На коллегии рассмотрели также вопрос о расширении списка оплачиваемых курсов...

В общем, окончание дня прошло для Олега Сергеевича весьма тоскливо, как в сером тумане. Поэтому и писать о нем нечего... Разве что о великолепном смузи в студенческом кафетерии...

Восьмой День. Посев научный, купола и Филиппок

Новосибирский Академгородок прихорошился.

Покрасил свои хрущевки.

Ярко и броско.

Хотя, зря, может, ярко. – С годами выгорят на солнце, поблекнут, потеряют вид. Но с другой стороны, пусть пока так – нарядно постоят. Какое-то время.

Есть в Академе, кроме бывалых хрущевок, и новые дома-многоэтажки, но они скромно выстроились чуть в сторонке и не шагают в его экосвятыню. Не смущают ее уют.

Выдержал годы безвременья и кинотеатр на проспекте Ильича, не перестроился, как многие его собратья в большом Новосибирске в разные церквушки и бассейны.

Да, миновала Академ нынешняя мода – не возникла в центре Верхней зоны какая-нибудь часовня. И слава богу! Наверное, несложно оказалось понять, что в цитадели науки как-то неестественно смотрелись бы кресты и попы.

Хотя надо признать, что выстоять скромному кинотеатру помог мировой статус новосибирского Академгородка – сибирский островок науки защищен покровительством ЮНЕСКО. Ничто не может меняться в его исторической зоне, в том числе и профиль заведений.

Но, с другой стороны, сумел же одолеть защитные барьеры международной организации новый корпус университета. Купол, хоть и не над церковью, но все-таки воцарился здесь – над студенческой альма-матер.

Кто знает, возможно, заказчики и архитекторы хотели тем самым возвысить имидж новосибирского университета, сделав его внешне похожим на университеты каких-нибудь Сорбонны и Оксфорда? Но зачем то, что органично встраивается в мегаполисы – в окружение стеклобетонных высоток, возводить в лесу? Пятиугольно-помпезное здание как-то странно здесь взгромоздилось. Совсем не вписалось в зеленую зону, выдавливая одним из своих углов, как средневековым воинским клином, прижавшиеся друг к другу сосенки.

И еще. Высокое купольное здание, подражающее Сорбонне и Оксфорду, как бы приоткрывает калитку... за кордон. Всяк входящий сюда будто шагает через окошко в тот мир. И неудивительно, что многие молодые люди оканчивают НГУ в магнетических грезах уехать туда – прямо как лунные коротышки из «Незнайки» на остров дураков. И ведь пропуск туда у них уже есть – самый весомый пропуск в любую точку мира – солидный багаж знаний, щедро дарованных сибирской академической наукой...

Но шагаем чуть в сторону, и вновь погружаемся в глубинный смысл, суть, сущность Академа.

Первое здание университета. – Казалось бы архаичное, но когда-то для своей эпохи современное, без броских претензий. А, может, именно потому и без претензий, что именно такой была эпоха. – Мощная как раз своей ненавязчивой простотой и отсутствием пустой вычурности!

Впрочем, мощь той эпохи в Старом здании университета еще надо суметь разглядеть... как суметь уловить величие музыки Чайковского или Бетховена... живущее вне времени...

И, заметим, в пику новому, купольному Старое здание университета невозможно представить без гармонично обрамляющих его высоких сосен.

Чуть дальше студенческий городок и физматшкола, тоже чудесно вписавшиеся в зеленую оаэмку. Выпускники ФМШ потока Олега Сергеевича называли свою школу «ФМШ-Филиппок», а для самих себя они даже придумали ритуал – посвящение в Филиппки, но дальше их выпуска ни это название школы, ни такие титулы учеников не прижились.

Студгородок ныне перестраивается. Ломаются старые общежития и возводятся новые. Да, обновить их нужно, очень нужно, но грустно будет, если, перерождаясь, они будут выстроены в том же пафосно-купольном стиле, что и новый корпус универа. Ведь даже соответствующее название строениям уже дали – кампус.

Вот только наука не любит мешанины стилей. Если это городок, то городок. Не кампус. Даже если студенческий. А так даже не поймешь: название то ли иностранно-помпезное, то ли подиностранно-холуйское.

Не так давно в Академе появилось еще одно знаковое сооружение – здание технопарка. Оно выстроено нарочито модерново, как бы бросая вызов седой академичности городка науки, но, опять же, слава богу, его поставили подальше от научного пространства, будто упрятали где-то в глубине окраин Верхней зоны.

И, наконец, радуется глаз то, что не заляпало Академгородок – проспект Ильича, кинотеатр, гостиницы, Дом ученых, Морской проспект, проспект Лаврентьева сонмище рекламных вывесок. Есть их немного на торговом центре, но в меру, очень в меру – за стеклами витрин, но не на его свободных и широких стенах. Есть там же немного билбордов, но они вроде вписываются в дизайн пешеходных линий, не загромождая их. Хотя тоже, как сказать?..

Отдыхает глаз на улицах Верхней зоны – отдыхает после пестроты большого Новосибирска. Впрочем, одна длинная надпись все-таки протянулась вдоль проспекта. Вернее, ее бережно сохранили: «Российское могущество прирастать будет Сибирью! М.В. Ломоносов».

Вот такая вот реклама новосибирского Академгородка – выпестованная глубиной веков!

И другой ему не требуется.

Когда-то была еще одна размашистая надпись прямо на въезде в Академгородок – «Посев научный взойдет для жатвы народной! Д.И. Менделеев»... Но ее почему-то убрали...

...И, знаете, на фоне чистоты и свободы улиц Верхней зоны вспоминается, как захлебнулся в рекламе и умер шедевр мировой архитектуры в Питере – его неподражаемый Невский проспект...

Олег Сергеевич и Сергей Олегович сидели на холодном осеннем пляже на берегу Обского моря. Пляж был пуст, если не считать группки волонтеров, которая собирала в огромные мешки мусор. Несколько студентов и жителей Академгородка деловито сушили на берегу, старательно вычищая пляжный песок.

– Может, вернетесь? – спросил Олег Сергеевич свою античастицу-антипода. – У нас текучка какая-то... не шибко веселая... В этом полугодии двое из лаборатории уехали в Канаду. Нужны такие люди как вы.

– Вырастете, – продолжил он, – со временем. Мое место начлаба займете, кафедру в университете получите... Проверите свою идею с изотопами металлов... Новую парадигму заложите... с мишенями... Эйнштейна пододвинете...

– А я, – вопросительно хмыкнул в ответ Сергей Олегович, – в общий мейнстрим не попаду? Не потеку через полгода... туда же за океан?

– Хотите честно?... – проговорил Олег Сергеевич. Он с грустью посмотрел на деловитых молодых людей, и, отчего-то стушевавшись, замолчал.

Несколько студентов и жителей Академгородка сушили на пляже.

Всего лишь несколько человек. Конечно, в таком заботливом уходе сегодня нуждается весь городок – его обширные зеленые пространства. Но там такой горстки ребят-волонтеров, конечно же, не хватит.

А ведь на самой заре Академгородка, да что там на заре! – в шестидесятые и даже семидесятые годы вышли бы все студенты университета (все! Все! ВСЕ!) и прочистили бы лесные завалы в широких окрестностях студенческого городка, вышли бы жители Академа и вычистили заросшие парковые зоны, а кое-где даже и дворы. И нужен-то Академу для этого – всего лишь толчок!..

Ведь, бог ты мой! – Каким же неряшливым стал лесной островок у самого подножья «Золотой долины» – престижной и знаковой для Академгородка гостиницы! Максимум двух десятков рук хватило бы, чтобы привести его в порядок...

–...Не знаю... – наконец негромко протянул Олег Сергеевич. – Да, я тоже не уверен, что не уедете... Но хотя бы эти полгода будете вносить свою лепту.

– Наука... – он остановил застывший взгляд на далекой линии горизонта, – попала в полосу испытаний... Тяжелых... Будто эксперимент над ней ставят – выдюжит ли...?

Олег Сергеевич вздохнул.

– Сейчас деда, – продолжил он, – ее держат, но уходит их время и пора уже отцам приходиться им на замену... А после ваших «полгода» и мальчикам надо будет подтягиваться...

Олег Сергеевич бросил взгляд на соседа. Тот, нахмурившись, смотрел в песок.

А ведь они почти сдружились. Самой малости не хватает, чтобы преодолеть это «почти», – чтобы не осталось меж ними столь нетвердого «не уверен».

– Нам бы день продержаться...! – со слабой протяжкой в голосе проговорил академик. Сергей Олегович коротко взглянул на него.

– ...Нам бы ночь простоять! – тихим отзвуком произнес он.

Бывший мэнэс взял с земли камешек и поднялся.

– Простоим!..

И Сергей Олегович оглянулся по сторонам.

– Вон, смотрите, деревянный круг на заборчике. Это мишень, до нее метров десять. А у меня в руках электрон. Я кину его. Если попаду – то устроюсь к вам в лабораторию прямо сейчас.

– Ну, так серьезные решения не принимаются.

– А я серьезно хочу попасть...

...Уж если ходок-Филиппок из горношорского поселка хлещется здесь за жизнь российской науки... то ему – коренному новосибирцу, выросшему в семье научных работников, – сам бог велел...

– Не бойтесь, не промажу...

Девятый День. Или недописанный еще Эпилог

Ну вот мы подошли к главному Дню нашей истории – Девятому.

Но он еще пишется... Нет его еще!

Где-то там пишется... – В будущем...

И поверьте, – знающие люди говорят, что точно пишется!.. И что в нем пододвинут Эйнштейна...

Однако ж каким он будет?..

...Клавиатура и в ваших руках тоже...